
Шёлк
и
пепел
«Пепел клятвы»
Кира Си
18+

Кира Си

Шёлк и пепел «Пепел клятвы»

«Автор»
2026

Си К.

Шёлк и пепел «Пепел клятвы» / К. Си — «Автор», 2026

Город ждёт, кто первым нарушит старые слова. Марк держит заложника и требует, чтобы Вера публично назвала Дамиана виновным. Дамиан возвращается не спасителем, а человеком, готовым сжечь порт, лишь бы не отдать её.Вера отказывается быть добычей обоих. Она собирает настоящую историю клятвы: три семьи, один пожар и печать, которой когда-то заверили ложь. Последняя близость двоих, которым нельзя верить городу, становится не охотой, а выбором. Чужие клятвы можно сжечь. Свою придётся произнести вслух.

© Си К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возвращение 5
Глава 2. Цена Ильи 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Шёлк и пепел «Пепел клятвы»

Глава 1. Возвращение

Город ждал не приговора. Город ждал, кто первым скажет старое слово так, будто оно ещё держит.

Вера вошла в зал с фотографией лицом вниз. На обороте хватало одного слова, и слово уже пахло подушкой. «Пепел» не просили читать вслух. Его просили додумать. Докер на табурете дышал в чужом свете ровно до той минуты, пока она не выберет сторону при людях. Марк не написал, какая сторона покупает жизнь. Он написал пепел и оставил ей самой вложить в него имя.

Имя сидело напротив.

Дамиан вошёл не как тот, кого не было до рассвета. Как тот, кого канцелярия просто не успела вызвать, а он не стал ждать бумаги. Костюм чистый. Воротник сухой. На плече повязка лежала криво, не её узлом: поверх стежков, которые ещё держали, кто-то намотал бинт левой рукой и не спрятал край. Кровь проступила в шов рубашки тонкой ржавой ниткой. Пиджак был застёгнут так, будто этого достаточно, чтобы зал смотрел на сукно, а не на дыру.

Он не подошёл к её столу. Не кивнул. Сел на скамью, где сажают того, против кого уже есть дело. Дела не было. После вычеркнутой фразы племянника подсудимый в протоколе пустовал, как погасший фонарь у верфи: место есть, вины ещё нет, и всем удобнее делать вид, что пустота никого не зовёт.

Клерк поднялся.

— Вы не вызваны.

Дамиан не ответил. Поправил не повязку. Манжету. Чистую.

Председатель посмотрел на Веру так, как смотрят на адвоката, когда в зал входит чужая ответственность и садится слишком точно.

— Это ваш?

— Нет, — сказала она.

Одно слово. Зал взял его неверно и правильно сразу. Не защитник. Не свидетель. Не женщина, которая имеет право положить ладонь на кривой бинт при людях. Просто нет. Дамиан услышал и не стал делать из отказа милость. Он остался сидеть. Председатель не велел вывести. Вывести значило произнести имя лишний раз и признать, что пустая скамья уже занята тем, кого город боится называть чаще необходимого.

Слушание было коротким и злым. Не о ноже. О дыре, которую Вера сама вчера оставила в деле, вынув из горла племянника чужие слова. Противная сторона, человек без улыбки и с Марковой осанкой в плечах, говорила спокойно: показание снято, версия пуста, причалы не могут висеть на вычеркнутой строке. Суду нужно имя заказчика. Адвокат, сломавший прежнее, обязан не прятать следующее за профессиональной тишиной.

— Вы знаете, кого посадить на место вычеркнутого, — сказал он. — И зал тоже знает. Он уже сел сам.

Вера не посмотрела на скамью. Посмотреть было бы жестом. Жест в этом порту читают быстрее протокола.

— Я знаю, что моего доверителя заставили говорить чужим ртом, — сказала она. — Я это доказала. Дыра не есть приглашение положить в неё живого, потому что у него чистое сукно и плохое плечо. Если я назову имя, чтобы зал выдохнул, я сделаю с ним то же, что сделали с племянником: вложу фразу и назову это правдой. Суд может спросить того, кто сел без вызова. Я не буду его ртом. И не буду ртом человека, который присылает фотографии вместо повесток.

По залу прошло то, чего не записывают. Илья не был в деле сегодняшним словом. Теперь стал. Председатель постучал не сразу. Ему тоже не хотелось быть тем, кто первым нарушит старое: не кормить протокол заложником.

— Имя, — сказал всё же он. — Хотя бы как версию, которую вы отвергаете. Иначе вычеркнутое начнёт означать невинность того, кого вы не защищаете.

Вот оно. Старое слово. Назови, и ты либо спасаешь, либо топишь. Не назови, и ты уже выбрала молчание, а молчание Марк счёл стороной ещё на обороте карточки.

Вера положила ладонь на папку. Под ней лежал табурет, открытые глаза, серое у сапога.

— Я отвергаю не человека, — сказала она. — Я отвергаю способ. Заказчика нельзя назначить из жалости к пустому месту и нельзя назначить из страха перед тем, кто улыбается из зала. Если у суда есть основание вызвать, пусть вызывает. Если нет, я не заполню вашу строку своим голосом. Долг, который на мне, не включает торговлю именем за чужое дыхание. И не включает спасение плеча, которое мне не поручали вести.

Скамья напротив не дрогнула. Дамиан смотрел не на неё. На председателя. Как подсудимый, у которого нет дела и который не намерен помогать залу придумать его из женского голоса.

Марк сидел там же, где улыбался вчера. Сегодня улыбка была короче. Он ждал публичного. Получил отказ, похожий на выбор, и не получил самого выбора. Илья на обороте всё ещё не был ни отпущен, ни сожжён. Пепел любит незаконченные фразы.

Председатель отложил. Не вычеркнул и не вписал. Слушание закрыл до той поры, пока имя не придёт само или пока город не устанет ждать, кто солжёт первым. Коллегия поднялась с облегчением людей, которым дали ещё одну ночь не быть свидетелями.

Зал опустел не сразу. Сначала ушли те, кто хотел видеть, как она подойдёт к скамье. Она не подошла. Собрала листы. Фотографию не перевернула. Дамиан остался сидеть, пока клерк не начал гасить верхний свет, и только тогда встал. Пиджак на плохой повязке сел хуже, чем утром. Он не поправил.

В коридоре пахло чернилами и мокрым камнем. Окно выходило на причалы, не на верфь. Он остановился не рядом. Напротив, как в зале: расстояние подсудимого, не любовника и не союзника.

Вера видела стежки под чужим бинтом. Свои. Кривой узел поверх был не упрёком портнихе. Отказом от её рук. Почти потянулась сказать: перевяжите заново, иначе возьмёт не пуля, а ваша гордость. Не сказала. Гордость как раз и стерегла эту фразу. Жалость тоже.

Он заметил, что она не сказала.

— Если назовёшь меня, я не обижусь, — сказал Дамиан. — Обижусь, если сделаешь это из жалости.

Голос был ровный, без кухни и без ночи. Чистый костюм не пах домом без окон. Пах дымом, не ленточным. Другим. Канат, смола, что-то, чем палят не письма, а место. Она не спросила, где он был до процесса. Вопрос был бы заботой. Забота сегодня стоила столько же, сколько имя.

— Жалость не садится на пустую скамью, — сказала она. — И не разрешает себя называть. Ты пришёл, чтобы я могла указать на тебя без долга. Это хуже жалости. Это крой. Снова твой.

— Я пришёл, чтобы ты не перепутала докера со мной. — Он не отвёл глаз к окну, хотя порт стоял в стекле весь, готовый и тихий. — Марк хочет, чтобы ты сказала вслух: заказчик я. Скажешь так, потому что Илья на табурете, это его покупка. Скажешь так, потому что у меня течёт сквозь чужой бинт, это милостыня. Милостыню я не приму даже ради твоей клятвы. Если когда-нибудь назовёшь, назови как адвокат, который видит дело и не берёт меня в щит и не кладёт меня в жертву. Иначе лучше молчи. Молчание ты уже умеешь. Я видел. Оно пока не общее.

— Илью молчанием не держат, — сказала Вера. — Его держат до слова. Любого. Он так написал. Пепел не уточняет, какую сторону жжёт.

— Уточнит, когда ты заговоришь не ему. — Дамиан впервые за утро посмотрел на её запястье. Ленты не было. Синяк пожелтел и не просил пальцев. — Я не герой этого возвращения. Не жди, что я выну человека с табуПепел клятвы

Книга четвёртая

Глава 1. Возвращение

Город ждал не приговора. Город ждал, кто первым сломает старое слово вслух.

Зал к этому утру уже научился не шуметь заранее. Председатель любил краткость. Краткая правда в порту по-прежнему оказывалась чужой, только теперь у неё было лицо на фотографии: докер на табурете, руки на коленях, на полу серое, как соль. На обороте одно слово. Вера не положила карточку в дело. Дело не кормят пеплом, пока пепел ещё дышит чужим именем.

Она вошла без ленты. Синяк под манжетой темнел честнее сгоревшей ткани. Городское платье сидело так, будто точка крови у локтя никогда не была печатью. Шёлк остался в доме без окон, под простынёй, третьим клиентом, которого не вызывают. Она не смотрела в последний ряд. В последнем ряду его не было уже который рассвет.

Он вошёл, когда список уже читали.

Не с чёрного хода. В дверь, которой пользуются те, у кого есть право сидеть и нет права говорить. Костюм чистый. Не парадный уголь верфи, не рубашка, которую она резала ножом для хлеба. Городской, выглаженный, будто ночи между стежками и уходом до света не существовало. Плечо перевязано плохо. Бинт сел косо, не её рукой: узел съехал, край белел из-под пиджака, и всякий, кто умел смотреть, видел, что рану закрыли, чтобы не пачкать ткань, а не чтобы зажить. Он не хромал. Не искал её взглядом. Сел не рядом. Напротив.

Как подсудимый без дела.

Между ними лежал проход, узкий, как щель в доме, только здесь щель была протоколом. Вера держала листы и не подняла глаз сразу. Поднять сразу значило назвать. Не назвать вслух, хуже: дать залу жест, который канцелярия читает быстрее адвоката. Она дочитала строку до точки. Потом посмотрела.

Дамиан смотрел не на неё. На пустое место перед собой, где должна была лежать папка, если бы его вызвали. Папки не было. Дела на него сегодня не открывали. Он просто сел туда, куда сажают тех, чьё имя уже ходят произнести, и сделал вид, что не исчезал. Плечо под плохим бинтом держалось прямо. Нитка, которую клала она, под чужой повязкой либо держит, либо гниёт. С такого расстояния не разглядеть. Она и не стала.

Племянник сегодня не говорил. Его фразу уже вычеркнули. Председатель перешёл к мере по причалам так, будто человек на табурете не существует, пока его не внесут в опись. Вера слушала и отвечала коротко. Не использовала дыры, которые вели в дом над водой. Не использовала и те, что вели к отцу. Молчание в зале было не клятвой. Отсрочкой. Где-то Марк считал её паузы и улыбался так, как улыбаются союзнику, которого ещё не внесли и уже не выпустят.

Сказать «заказчик» она могла одним словом. Зал бы взял его дольше, чем позволяет приличие. Илья, может быть, дожил бы до следующего фото. Или не дожил бы: пепел на обороте не обещал жизнь за имя. Обещал жизнь, пока сторона не названа. Назвать Дамиана значило выбрать. Не выбрать тоже было стороной, только её ещё не записали.

Она не назвала.

Председатель закрыл утро без приговора. Коллегия не любит дней, в которые все пришли и никто не сломал слово. Такие дни пахнут следующим.

Зал опустел не сразу. Сначала ушли те, кому нечего было смотреть напротив. Потом те, кому было. Вера собирала листы медленно, как собирают улики, которые нельзя сдать. Шаги она узнала по тому, что он не остановился у её стола. Остановился у барьера, напротив, на той

же дистанции, на которой сидел. Чистый костюм. Плохая повязка. Лицо человека, который вернулся не героем.

— Если назовёшь меня, я не обижусь, — сказал Дамиан.

Голос короткий. Не кухонный. Заловый, только без страха, который когда-то ещё грел. Страх кончился на подоле. Здесь осталась опись.

— Обижусь, если сделаешь это из жалости.

Она посмотрела на край бинта, съехавший под пиджаком. На руки, которые не тянулись через барьер. На рот, который не просил прощения за пепел на подушке и не делал вид, что лента сгорела сама.

— Жалость не шьёт, — сказала Вера. — И не сажает напротив. Вы сели как тот, кого уже можно сдать. Это не возвращение. Это приманка. Если я назову вас, чтобы Илья встал с табурета, Марк купит имя и оставит докера там, где пепел дешевле живого. Если назову из жалости к плечу, которое замотали не моей рукой, я предам и клиента, которого не веду сегодня, и вас, которого не имею права спасать чужой жизнью. Вы запретили жалости. Я и без запрета не торгую ей.

— Тогда не торгуй и мной, — сказал он. — Я не исчез, чтобы тебе было легче молчать. Я ушёл до света, потому что слово «не враг» нельзя оставлять ночевать. Вернулся, потому что город ждёт, кто сломает клятву первым. Пусть видят: я сижу там, где сидят обвиняемые. Если скажешь, скажи как адвокат. Не как женщина, которая зашивала и потом нашла пепел на своей подушке. Пепел был не упрёком. Ленту жгут, когда контракт больше не на коже. Кожа всё равно помнит. Этого городу не отдавай.

— Вы опять решаете за меня, чем мне нельзя быть.

— Нет. — Он не улыбнулся. Улыбка в этом зале уже принадлежала другому. — Я говорю, за что обижусь. Остальное твоё. Илья жив, пока ты не выберешь вслух. Я это знаю. Знаю и то, что молчание тоже выбирают. Не путай моё возвращение с разрешением назвать. И не путай с запретом. Запрет был бы моим кроем. Я уже один раз ушёл, чтобы не кроить тебя до рассвета.

За барьером кто-то ещё шептал. Имени его не произносили. В порту так берегут не страх только. Иногда так берегут человека, которого ещё не решили, жечь или носить. Дамиан кивнул не ей. Залу, пустому достаточно, чтобы кивок не стал договором. Повернулся. Плохая повязка белела на чистом плече, как признание, что он умеет явиться и не умеет быть зашитым её ниткой при свидетелях.

Вера осталась у стола, пока шаги не кончились.

На языке не было ни «заказчик», ни «не он». Между этими рёбрами как раз и ходил нож, который Марк уже наточил фотографией. Дамиан сел напротив и отдал ей обиду заранее, вынув из неё жалость, как вынимают негодную фразу. Это не было спасением. Это было хуже. Человек, готовый занять место подсудимого без дела, не просит, чтобы его не сдавали. Он просит, чтобы сдача, если случится, не пахла милостью.

Она собрала листы.

Город за дверью ждал вслух.

Она вышла молча. Молчание ещё не было клятвой. Но уже не было и пеплом, который можно стряхнуть в чужую пепельницу и сделать вид, что сторона не названа.

Глава 2. Цена Ильи

Трюм пах не морем. Морем пахнут причалы, когда в них ещё есть работа. Здесь пахло железом, которое давно не открывали для груза, и человеком, которого кормили ровно настолько, чтобы фотография не стала враньём.

Марк не вёл её под руку. Вёл фонарём. Свет ложился на ступени коротко, как ложится улыбка: видно следующее, не видно дна. Вера шла сама. Одна. Это она решила ещё у чёрного хода, когда мальчишка с верфи сказал «живой, если придёте без него». Без него значило без Дамиана. Она не взяла и клерка. Клерк пишет то, что можно сдать. Ей нужно было то, что нельзя.

Илья сидел на том же табурете, что на снимке. Руки на коленях. Верёвки не было, и от этого трюм казался честнее пытки: его держали не узлом. Держали дверью. Он поднял глаза на свет и узнал её не как спасение. Как продолжение оборота.

— Не говорите при нём то, чего не скажете в зале, — сказал докер. Голос сел, но ещё был его. — Иначе я стану вашей фразой. Фразы здесь не выпускают.

Марк поставил фонарь на бочку. Лицо осталось в половине тени, как в зале, когда улыбка короче поцелуя.

— Цена простая, — сказал он. — Грязная, потому что чистых у нас не осталось. Завтра, при коллегии, своим ртом, не «версия» и не «я отвергаю». Заказчик. Дамиан. Не племянник. Не человек вашего отца, которого вы так бережно не называете. Он. Вслух. Тогда Илья выходит на причал до темноты и больше не позирует. Солжёте в формулировке, оставите лазейку для адвоката, который потом вычеркнет сам себя, и пепел на полу перестанет быть солью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.